

Владимир Марков

СТИХИ

«ЭХО»

1947

Дорогим
Барбаре Николаевне
и Анастасу Яковлевичу
Владимир Марков
от автора
(чехи молодости!)

СТИХИ

19 / VI / 1960

«ЭХО»

1947

II

Тряпке — валяться под лавкой.
Вазе — стоять на столе.
Пришпилен английской булавкой
Я к счастью на этой земле.

Оно дорогой шальнойю
Летит по летам „mit mir”.
Раскинулся подо мною
Картинкою в красках мир —

Соборов поющие шпили,
Озера зыбкий овал.
Я к счастью только пришпилен,
Но в губы не целовал.

Мне неизвестен тариф мой,
На нитку еще не нанизан.
Мне трудно даже рифмой
Приклеиться к слову жизнь.

СУМЕРКИ

Мы вечером всегда немножечко
поэты,—

Садись к окну и, если можешь, плачь
Да слушай, как выводит рядом где-то
Мелодии, аккорды, флажолеты
Неопытный скрипач.

Напротив два окна зажглись
и вновь погасли.

Секунды капают. Я не могу сказать,
Давно ли здесь я: год ли, день ли,
час ли.

Я тихо и немного грустно счастлив
Опять.

Вдруг близко чей-то смех, обрывки
речи,

Шаги — и смех уже издалека.
И снова тишина, и снова вечер.

Он мягкий, как твоя щека.
Что прочитать за этими зрачками?

Ни нет, ни да.

Последняя преграда между нами
Не упадет, быть может, никогда.
А впрочем, впереди так много дела:
Танцуй от печки, в колесе кружись.
Наверно, кто-то очень неумелый
Играет упражненьем нашу жизнь.

ПЕРЕД ТЕМ КАК ЗАСНУТЬ

В окне совсем темно. Слипаются
глаза.
По радио—Москва: хрипит и всех
ругает.
Вот здесь сидела ты, всего лишь час
назад—
Красивая, холодная, другая.

В окне
„навис покров угрюмой ночи”.—
Когда-то так писал один большой поэт.
Наверно, в жизни все гораздо проще.
И только я мудрую, мудрую... Иль нет?

Быть может, было так всегда,
во всех столетьях,
Как эта ночь, что смотрит мне в окно?
Ты все равно...
ты лучше всех на свете...
ты лучше всех...
ты лучше...
все равно.

Все, что в жизни осталось нам:
Собирать по дорогам цветы,
Тосковать по хорошим стихам,
Называть кого-нибудь „ты”.

То, что скрылось, что там, что „за”, —
Дочитай — и на полку в шкаф;
Да почаще смотри мне в глаза
Светлым взглядом вянущих трав.

Разве больше не веришь в покой —
Не похожий на теплую лень,
Что взрывается и пьет — а такой,
Как на кладбище в солнечный день? —

Знойный праздник большой тишины —
Слышишь пчел и полет планет.
Так удастся сбегать хоть сны,
В остальном же и нужды нет.

День за день цепляется —
Много сизых, голых дней.
Жизнь в углу валяется,
Позабыли, знать, о ней.

Знать бы, где уколешься,
Где споткнешься, а где нет.
Ты наверно молишься
Или плачешь обо мне?

Быть бы нам друг с дружкой
На другой тогда покрой . . .
Мокрою подушкой
От людей глаза прикрой.

НЕРАЗДЕЛЕННАЯ МИНУТА.

Страдать отдельно, не делясь, не ноя,
И пусто отпустить туда, где все —
Вот в эту ночь, по этой вот росе,
Не знающей дневных щекоток зноя.

Угрюмо-равнодушный, словно филин, —
Сапожник или пастор — немчура —
Здесь проходил наверное вчера
И не тревожил мозговых извилин.

А мне, — не в силах снять с души
нагар, —
Куда? Ничком? Навзрыд в пыли
заплакать?
Тереть до ссадин щек небритых
мякоть
О равнодушно-серый тротуар? —

И успокоиться, сознав, что жизнь есть
роль,
Что этот час, ползущий, как мокрица,
Ведь тоже никогда не повторится,
И завтра будет уж иная боль.

STAATENLOS

Блуждали ль вы, ночами, одиноко,
Когда часы особым звоном бьют,
Когда на улицу из ярко-желтых окон
Презрительно глядит чужой уют?

Под редкий шум ночных автомобилей
Тогда плывут, не знаю сам зачем,
Обрывки дней, и слов, и лиц,—что были,
А может быть и не были совсем.

И жизнь встает, как белый лист бумаги,
Где — жирный штамп, приметы все мои
Да имя одинокого бродяги
Без родины, любимой и семьи.

Семья и родина промчались мимо, —
И в памяти не мог их закрепить;
Любимая... любимая... любима...
Не надо о любимой говорить...

Какою жизнью, первой ли, второй ли —
Все перепуталось — теперь живу?
Не разберу... Эй, guten Abend, Fräulein!
Идешь домой? Имела рандеву?

Минутный труд—и сразу все, что надо,
На сердце даже, будто, веселей,—
И удовольствие, и плитка шоколада,—
О чем мечтала всю войну. О кей!

Война окончилась—так мне сказали.
Быть может, надо веселее быть?
А каждой ночью снова снятся дали.
Подешву завтра надо бы подбить...

ES REGNET IN REGENSBURG

Сегодня тучам нет конца,
И бьет в глаза поток,
Как будто хочет смыть с лица
Пыль пройденных дорог.
Примяты стебли скользких трав,
И лужи на пути,
Но, все на свете потеряв,
Не тяжело итти.
Ведь шага не остановить,
Из края в край бродя,
И влажных глаз не осушить
От слез и от дождя.
Пусть капли катятся с бровей,
Пусть ветер валит с ног!
Еще сильнее! Еще сильнее!!—
Так чтобы встать не мог,
Чтобы упасть без чувств, без сил,
Щекой на лопухи,
Забуть, что я когда-то жил,
Грустил, писал стихи. —
Ведь, вырывая с корнем прядь,
Упав на мокрый труп,
Она не будет целовать
Моих холодных губ.

Я жизнь свою позабываю—
Дни, вещи, лица, города—
И помню только поезда,
Что мчат, стучат и завывают.

И до сих пор кругом все то же
С дощечкой „Третий Класс” купе,
Где пол в яичной скорлупе
И лоснятся скамьи, как рожки.

День завтрашний тягучей тиной,
Как пруд, покрыт, лишь на руке,
На непонятном языке,—
Вся жизнь — гравюрой-паутиной.

Зеленая бутылка на столе,
В нее смотрюсь я напряженным
глазом.

На полутемном выпуклом стекле
Подвластно все фантазии приказам.

Прозрачность цвета прудовой воды
Рисует мне в лучах свои глубины,
С усталой тайной, как глаза у Нины,
А главное: тенистые сады,
Где все деревья слились воедино.

Подумать не успеешь: *Ob es gab?* —
Все эти пальмы, ясени и клены, —
В какой-то грани гаснет луч, внезап-
но исчезая в темноте зеленой.

И, как под острием стальным ножа,
Мысль оборвется, перейдя в другое,
Капризно и неожиданно, как *enjam-
bement* под гениальной рукою.

Так строки обрывал свои Артур
Рэмбо в сонете путаном и гордом,
Так Рихард Штраус надламывал *H-dur*
*A-moll'*ным негодующим аккордом.

СТИХИ ОБ ИТАЛИИ

ИТАЛИЯ С ЧЕТКАМИ

I

Трудно пробыть полчаса в церкви
Scalza на Grande Canale;
Все ты там можешь найти,
нет только голой стены:
Фрески, витражи, картины, колонны,
плафоны и ниши,
Склепы, карнизы, кресты,
статуи и алтари.
Наша религия — свечка, а их —
огнедышащий факел;
Там — благодатная тишь,
здесь — исступленный порыв.
Нет у католиков кротости нашей,
умильности, ласки —
Бьется в истерике все,
вьется, стремится, кричит.
Кажется, даже мадонны хотят
оторваться от камня,
Чтобы греховно начать
буйный вакхический пляс.

III

Я разговаривал долго с монахом
в коричневой рясе,
Слов недостаток мешал
толком ему объяснить
Разницу наших религий: католиков
и православных,
Да и, по правде сказать,
сам ее толком не знал.
— Деву Марию-то вы признаете?—
спросил наконец он.
Вспомнил я пушкинский стих,
вспомнил иконы в церквах.
— Да, я сказал, в Богородицу Деву
Марию мы верим.
— Вепе, ответил монах,
встретимся с вами в раю.

В АЛЬПАХ

I

Два с половиной часа я лез,
отдуваясь, на гору,
Падал, скользя, и вставал,
брался за ветки кустов.
Вот, наконец, и отвесный обрыв,
дальше путь невозможен,

И, обернувшись назад,
я посмотрел с высоты:
Те же горы, покрытые мелкими
соснами, вижу.
Нового нет ничего.
Что ж я карабкался зря?

II

Дочку хозяйки зовут
знакомым мне именем—Nini;
У нецелованных губ
сочный малиновый цвет,
Щеки покрыты несмятым пушком,
а глаза — как у куклы.
Я заглянул в кошелек:
скоро он будет пустым.
—Сколько с меня за вино причитается?
тридцать две лиры?
Nini, глаза опустив,
тихо ответила: "Si".

III

В Маджио, горной деревне,
дуют холодные ветры,
Кружится серая пыль
и засоряет глаза.

Лег на поклажу свою
и на жаре задремал.
Тачка осталась на улице,
путь пополам перерезав,
В ней так блаженно храпел
верный Италии сын.

III

Тихо и сонно на площади Данте.
Как будто в музее.
Дремлют дома, позабыв
разницу стилей и лет.
Лишь голубиная стая
покой иногда нарушает,
С каменных плит мостовой
перелетя на карниз.
А с пьедестала поэт
в неподвижной суровости
смотрит,
В мраморных складках лица
нам непонятная скорбь.
Черною змейкой из глаза ползет
небольшая полоска,
Словно проложен там след
едкой горячей слезой.
Стал ли божественный фарс
подобьем десятого круга?
Иль Беатриче ему
вести из рая не шлет?

ОЗЕРО КОМО

Вершины гор в горячей мутной гари,
И даже озеро пролады не несет;
Весь воздух змейками, как на пожаре,
И тонкое весло лениво воду бьет.

Из церкви колокол в ударах
бесконечных
Зовет в один и тот же хриплый лад,
И девочки в нарядах подвенечных
Взволнованно на крезиму спешат.

А я смотрю на льющиеся змейки,
Меняющие вечно свой извив,
На девушек, сидящих на скамейке,
Колени для загара обнажив.

Но зной сквозь лапчатую сень каштана,
Просунул руку потную свою —
И я бегу, — спасаюсь у фонтана,
Где пересохшим ртом ловлю струю.

На клумбе вянут тонкие травинки,
От них — усталый, пресный аромат.
В какой-то книге, на цветной картинке,
Я видел это все
лет пять иль шесть назад

Возможно, что с балкона, там, напротив,
Я щелкнут лейкою сейчас — и вот,
В обычном для судьбы круговороте,
Мне неизвестный человек найдет,
Тоскуя в серой жизни по новинке,
Жару, фонтан, меня — все, что здесь
есть —
В какой-то книге, на цветной картинке,
Когда-нибудь, лет через пять иль шесть.

В Бергамо, на Piazza del Duomo,
Есть капелла, — там где вход в собор.
Солнце жжет с ленивою истомой,
И доносится орган и хор.

Сторож отворит, взглянув сурово,
Что-то непонятно говоря,
За две лиры оглядите все вы —
Кресл резьбу и роспись алтаря.

Нежность красок немки Анжелики,
Тьеполо роскошные мазки,
Тонкость деревянной мозаики,
Станут на мгновение близки.

Только в нише, досками обшитой,
Задышается в мешках с песком,
От осколков бомб и взглядов скрытый,
Всадник в латах с вороным конем.

Но когда на горизонте горы
Спрячет ночь, ко сну людей склоня,
Выезжает он, вонзая шпоры
В металлический живот коня.

Мчатся так всю ночь они без цели,
Лунным светом оба залиты,
Птицы страстные выводят трели,
Дышат пьяным запахом цветы,

Бронзовых волос густые пряди
Чуть колышет ветер неземной;
Он в руке копьё сжимает, глядя
На позор Италии родной.

И пока заря не заалееет,
Осветив на крышах черепки,
По густым каштановым аллеям
Всадник продолжает путь тоски.

.....

Полночи дождися на балконе,
Притаись, и на другой стене
Тень Бартоломео Коллеони
Пролетит на бронзовом коне.

Весной и солнцем дышит грудь,
И с Альп холодный ветер дует.
В том доме счастлив кто-нибудь,
А в этом кто-нибудь тоскует.

А мне — ни радостей, ни бед,
Ни порицанья, ни привета;
И ничего на свете нет,
На что бы я просил ответа

Жизнь хороша или плоха?
Что даст мне эта цепь скитаний?
Душа слепа, душа глуха:
Нет чувств, нет мыслей, нет желаний.

Я ЗАВТРА УЕЗЖАЮ, СИНЬОРИНА

Вечер тоской молчаливой повеян.

Auf Wiedersehen.

Улицы дремлют. Пуст тротуар.

Au revoir.

В окнах темно. Тебе нужно бай-бай.

Good-bye.

Встретимся ль снова? Не знаю.

Едва ли...

Vale.

Ты мне сказать хотела что-то?

Buona notte?

Ручку мне протяни на прощанье.

До свиданья.

III

Нет, Бог не мог создать
  уют баварских гор
И лепет ручейка
  в плакуче-сладких ивах—
Их стряпал херувим,
  закатывая взор,
Из самых сахарных,
  из самых незлобивых.
И с риском быть смешным,
  сейчас хотел бы я
Пить поцелуем страх,
  сгибая до отказа
Над пропастью твой стан,
  счастливая моя,
В заоблачных горах
  дремучего Кавказа.
Чтобы влажнел твой взгляд,
  чтобы свисала прядь,
Чтобы вздымалась грудь,
  чтоб щеки розовели,
Когда свою любовь
  я буду изливать
Цветистым языком
  героев Руставели.

Когда вся земля, как большой балаган,
Пестрела в шальном изобилье,
Ходил по дорогам веселый вагант,
Пропитанный солнцем и пылью.—

Полями, где некогда войны велись,
Где копыта об латы бряцали,
Лесами, где рыскает Рейнеке Лис,
Где красный башлык Рюбецаля.

Там воздух под зноем пьянит бузина,
Там дремлют дремучие ели,
В веселых ключах, где струя студена,
Снуют озорные форели.

А в городе—

пыль под ногой горяча,
И все уголки загремели;
Там манит таверна, галдя и крича,
Кислеющей затхлостью хмеля.

Пощупать последний медяк

в кошельке—

И в дверь, с королевским размахом,
Дородную Грету прижать в уголке
И чокнуться с толстым монахом.

Потом толковать о седой старине,
О гезах, о нантском эдикте,
О губках и щечках, о добром вине
И о святом Бенедикте.

По жизни шагать с загорелым лицом —
Конца не найдешь вариантам!
Наемным солдатом, фигляром, купцом
Но лучше всего быть вагантом.

На запад садится дневной диамант,
Дорога темнеет и стынет,
Идет по дороге веселый вагант
И песни поет по-латыни.

Пусть мечтают о высоком,
бурном, алом,
Тех затрепанных миражей я не чту;
Идеал всегда рифмуя с одеялом,
Я сложил благоуханнее мечту —
Круглой талией в три с четвертью
обхвата
Наполняя тараканное жильё,
В царстве пенок, спиц вязальных
и ухвата
Дни проводит, как в обряде. У нее —
Щеки — яркие и спелые, как свекла,
Грудь — сдобный и рассыпчатый
вальяж,
Имя — пестрое, как сарафаны — Фекла.
Что еще мне в сирой жизни надо? Я ж —
Буду бить ее по пятницам и средам,
Каждый день внушать, что в доме
я главой,
Иногда хвалить олады за обедом,
А когда она останется вдовой —
(Я ж увяну, этот мир вполне уважив,
Как в саду осеннем листья
синих астр) —
То стихи мои, чуть прикасаясь даже,
Красной ленточкой крест-на-крест
перевяжет
И счастливому потомству передаст.

Было ль это под Атиллою
Иль в эпоху крузад?
Это было... Это было
Очень много лет назад.

Был тогда я не министром,
Не слугой, не мужиком,
А в пруду—округлым, быстрым,
Черным водяным жуком.

Все углы знал наизусть я,
Каждой ямки захоластье,
Каждой ряски корешок.
Как там было хорошо!

Слизь, как сизый, бледный иней,
Покрывала там траву,
Пряча в чаще тускло-синей
Красноглазую плотву.

Там, в зелено-желтой мути,
Свежих струй не вынося,
Млела карасиха-Mutti,
Нежа сына-карася,

Я стрекозьею личинкой
Был пленен там до ушей
И под белою кувшинкой
Назначал свиданья ей.

С нею страстно ковыляя
По айрному стеблю,
Я шептал ей: Дорогая!
Я вас... ах! Я вас люблю!

Робко, нежно и тревожно,
В домик прячась от стыда,
Мне она сказала: Можно...
Наконец сказала: Да...

И, от радости краснея,
У корней, на вязком дне,
Все, что девушка имеет,
Отдала со вздохом мне.

Мы прощались у калитки,
Расставались в туман...
Только строгие улитки
Осуждали наш роман.

Разве скользкие моллюски,
Пряча в раковину гужки,
В состояньи оценить
Страсти огненную нить?

Знали ль, как она невинно
Лопотала о любви,
Высунув наполовину
Ножки серые свои?

Но однажды, вскинув тело,
Вид приняв совсем иной,
Стрекозою улетела
В голубой прозрачный зной.

Я бежал тогда на берег,
Ум теряя от потери,
Тупо ползал тут и там
По чужим, сухим цветам.

Душу разорвав на клочья,
Я вернулся в затхлый пруд
Ждать, когда под оболочкой
Чувства медленно умрут.

Я скончался, как спартанцы—
Без гримас, без слез, без слов.
Скоро костяной мой панцырь
Тихой тиной занесло.

Так печально-неуклюже
Кончил я мой жучий век.
Ах, опять бы мне в ту лужу!
Ах, зачем я человек!

Там где прекращается живое,
Там где вечный холод в вечной мгле,
Носятся стремглав, дрожа и воя,
Души всех умерших на земле.

Мы не знаем, что это такое;
Между нами — света полоса.
Только в свисте ветра мы порою
Слышим по ночам их голоса.

Но и то понять тогда не можем:
Неизвестность красит наши дни,
Нам земля — опорой, пищей, ложем.
Но другое знают там они: —

После смерти — не конец мученьям,
После смерти — стоны в пустоту,
В столах этих — боль без облегченья,
Злоба на земную слепоту.

Мы стоим у притворенной двери,
За которой быть в конце нам всем;
Кое-кто не верит, кой-кто верит,
Большинство не думает совсем.

Убегаешь в выдумку от боли,
Дышишь, чертишь пальцем на стекле.
Я вчера послушал ветер в поле,
И с тех пор мне жутко на земле.

Рада гондола, покинув каналов сырых
паутину,
Где обрамляют дворцы
затхлую зелень воды.
Синюю влагу лагуны колеблет
ласкающий ветер,
Спутал на собственный вкус
волосы на голове.
—Дай мне весло, гондольер, я в море
направлю гондолу!
Выдержит черный твой челн
волн озорную игру?
Но гондольер не ответил, он смотрит
на Санта-Микеле:
Остров-кладбище собой
к морю нам путь преградил;
Странный, как вымысел Беклина, как
очарованный замок,
Каменной красной стеной
смотрит сурово на нас.
—Кто там? Живые? Назад! окликают
меня кипарисы,
К небу, как пики, подняв
конусы темных вершин.
Но неприступное—пусть даже в смерти
—влечет человека.
Я бы хотел умереть,
чтобы проникнуть туда.

Я бы хотел умереть недалеко от
паперти Фрари,
Чтоб отпевали меня
там, где лежит Тициан,
Чтобы священник над трупом долго
читал по-латыни,
Плакали чтоб под орган
статуи грустных мадонн,
Чтоб по каналам везли меня, чтоб
гондольер беззаботный
На поворотах кричал
глухо-протяжное „Ой”,
Чтобы следы сладковатого тления от
пышного гроба
Ветер морской разогнал,
синей лагуной скользя,
Чтобы причалить нарядной гондолой
у острова мертвых,
В крепость попасть наконец,
от любопытства дрожа,
И у корней кипариса, в болотистой,
вязкой могиле,
В важном, торжественном сне
жизни иной ожидать.

Устало и грустно, как странники,
По гравию бродим мы тут.
Против законов ботаники
Ветви берез растут.

Торчат неестественно, щеткой,
Выгнулись вверх, а не вниз.
Рядом, за низкой решеткой,
Лежат какие-то мисс.

Всех ждет ночлег этот жесткий,
Теперь или погода...
На вашей простой прическе
Росятся капли дождя.

Ваше лицо так близко—
Можно губами достать.
Как это по-английски?..
Или по-русски сказать?

Каменный ангел беспечно
В бассейн хочет сделать шаг,
В нашем саду, конечно,
Все будет совсем не так.

Ангел из камня! Нельзя так...
Придумал же глупый народ!—
Войну, лагеря из палаток,
Надписи „Ruht in Gott”,

Идеи, нации, ранги—
Столько нелепых вещей.
Вот вы—настоящий ангел,
Вы лучше всех вообще.

АЛЕКСАНДР БЛОК

Дворцовый мост, ростральные колонны;
Спокойный, влажный и печальный
снег;

Осунувшийся, бледный человек,
С умершим взглядом, больше не
влюбленный.

Вся жизнь—в снегу: от первых
поклонений,
Сквозь маски прорезь, цокот рысака,
Сквозь разудалье вьюжных
песнопений

До этого последнего куска.

Уже не мученик, не грешник,
не мессия,—

Он весь застыл и ничего не ждет.

Последняя любимая —Россия—

Ушла с другим и больше не придет.

Без всяких спазм, агоний и конвульсий

Он задохнулся в жизненной тоске,

Сам не заметив, что не бьется в пульсе,

Что снег уже не тает на щеке...

20-й год—в кострах на перекрестках,

Голодный, грустный, снежный и пустой;

А завтра все растает в грязных

блестках,

Стечет ручьем, впитается землей;

Но никакой июльский желтый зной
Лед смерти не прожжет, он это знает—
И строки, ненаписанные мной,
В его мозгу безжизненно всплывают.

Ведь если б не был снег ленив и пресен,
Ведь если б, неожиданный, шальной,
Прорвался ветер отзвучавших песен,
Ему почудились бы мы с тобой.—

Но ветра нет. Глаза смотреть устали.
Нева сквозь сумрак серо-голубой
Глядит немymi пятнами проталин.
Как через двадцать лет на нас
с тобой.—

И нам с тобой привычно-ясным станет,
Что и не надо в душу допускать
Раскаты войн и зарева восстаний,
А только с новой грустью вспоминать

Февральский снег, что падает без цели
В усталых мокрых хлопьях без конца.
На воротник, на скользкие панели,
На неподвижные черты лица.

В ГОСТЯХ, НА ЗЕМЛЕ

Когда-нибудь, в двухтысячном году,
Я здесь пройду, незримым гостем,
И все неизменившимся найду —
Людей, развалины домов, растенья.

И где-нибудь на чердаке, под крышей,
Найду под всяким хламом вековым
Обрывок пыльной, выцветшей афиши
С давно забытым именем твоим.

И поддержку невидимой рукою.
И уроню. И вновь пойду плетясь.
Увижу с той же, как сейчас, тоскою
На черном небе серых веток вязь.

Но снег похрустывать вот так же будет
Под чьим-то тоже рваным башмаком,
И так же молча — торопиться люди,
И, удаляясь, красным огоньком

Все кажется доступным под луной,
Вершины кажутся не так высоки;
И только светят странной желтизной
Твои, мной нецелованные, щеки.

И ты, чужая мне при свете дня,
Случайная, насмешливая, злая—
Мне кажется, что ночью ты другая,
Что хоть немного любишь ты меня.

МЮНХГАУЗЕН

Давно живу на этой я планете.
Мне двести лет минуло в январе.
Я всем знаком: и взрослые, и дети
В течение полутора столетий
Смеются над гравюрами Дорэ.

Теперь я весь—XX век: от жеста
До модных отворотов на пальто;
Теперь любовника принцессы д'Эсте
Во мне наверно б не признал никто.

Ars longa est, sed brevis vita nostra.—
Я это знал, и властью тайных сил
Волшебника и графа Калиостро
Продлить мне молодость я попросил.

Я помню зависть старца Казановы:
„Ах, я сыграл бреттера и самца,
Мои любовницы отныне—вдовы”.
А я был юн, и месяц мой медовый,
Казалось, не хотел иметь конца.

В мой век царила сказочная шутка,
Жизнь щекотала нервы, как игра,
Но вот, как вечер, холодно и жутко,
Привычных ужасов пришла пора.

Все — вниз: — от менуэта —
до фокстрота;

Драконов нет, потомки их — глисты.
Слезает с жизни сказки позолота,
И мне осталась в мире только ты, —

Находка неожиданно-простая,
Награда за ошибки прежних дней,
Мне кажется, всю жизнь тебя я знаю,
Ты — лейтмотив симфонии моей.

Ты — девочка в сравнении со мною,
Но мелкими морщинками у глаз,
Волос волнистых ранней сединою
Упорно разделяет время нас.

Пусть для других все празднично
и пестро, —

Я убежден: жить дальше смысла нет,
Нет радости в подарке Калиостро,
Коль без тебя коптить я буду свет.

Прощай же, приключений вереница,
Порой невероятных, словно сны!
Минуту...

Все.

Как странно!

Будто снится...

Я снял заклятье. Мы теперь равны.

Я годы вижу наперед,
Где люди—старики,
Где голод города берет,
А страх—материки.

Жизнь будет мучить, бить и гнать—
Ложись и умирай!
И наше время вспоминать
Все будут словно рай.

А мы с тобой—глядим назад,
И, сквозь столетий дым,
Мы даже в пытках Торквемад
Любуемся былым.

Пожалуй, можно ставить крест,
Не развязать узла,—
Весь исторический прогресс—
Прогрессия из зла.

Много див, а мы не знаем;—
Есть колдунья за Дунаем.
Там волшебные дела,—
Черный кот и чучела,
Зелья, снадобья и склянки,
Под окном растут поганки,
Жабы—желтые зобы,
Дым спиралью из трубы.

А колдунье—нету мочи,
И глядеть на свет не хочет,
Упадет—лицом в кровать;
Перестала колдовать.
Та вздохнет она, то охнет—
С каждым днем колдунья сохнет,
С каждым днем зрачки грустней.
Что, скажите, делать с ней?

Ведь когда—в любой личине,
По какой-либо причине—
В путь летит ворожея,
То лечу туда же я;
Опоила, что ли, ядом—
Только с ней всегда я рядом:
Или камнем на кольце,
Или мушкой на лице.

А она чего-то хочет,
То заплачет, то хохочет—
Влюблена? Сошла с ума?
Заколдована сама?
Средство верное найду я,
Я колдунью расколдую,—
Чтоб исчезла хворость та
Красной мышью изо рта.

Все ищу. На этом шаре
Все холмы и рвы обшарил.
Нехватает больше сил,
Сердце в тряпки износил.
Время нам помочь не хочет,
Время душу каплей точит.
Скоро будет двадцать лет,
Я плетусь за нею вслед.

Мы много лет и стран пройдем с тобою
И наконец увидим ту страну,
Где даль нежна, как тонкий звук гобоя,
Где небо, словно песня,—голубое,
Где солнце клонит к ласковому сну.
Там будет холм, и мы на холм взойдем,
Увидим плавные реки извивы
И трав колышущихся переливы
И зеленую закрытый старый дом,
И скажем мы: Жизнь все-таки красива.
И сотни дуновений, самых нежных,
К нам прилетят из стран, где нету слез,
Где нет метаний наших неизбежных—
Игратья локонами наших снежных,
Как подвенечная фата, волос.
Жизнь подойдет к концу, придет вторая
И та же, в образе другом, любовь,
И будем мы с тобой, не умирая,
А только в прятки с вечностью играя,
В столетиях встречаться вновь и вновь.
Миллиарды душ запутаются в снах,
Миллиарды мыслей вспыхнут в головах,
На краткий миг изменят лик планеты.

Мир удивится и забудет это.
Мою любовь к тебе в других словах
Совсем другие будут петь поэты.
Конец придет; покроет снег Алжир;
Планетами все эти звезды станут;
И, может быть, другой родится мир,
Совсем без зелени, совсем без лир—
.....
Но я любить тебя не перестану.

Опережая душную пыль,
Рвет грудью воздух автомобиль.
Не подсчитать, сколько сделано миль,
Не распознать, это сказка иль быль.

Жизни излишек,
Вечная смена,
Нет тихой гавани—
В скуке болотной годы влачить.

Красные крыши,
Белые стены,
Зеленые ставни—
Город от города не отличить.

Краски сливаются на бегу,
Прошрое вспомнить я не могу:
Не было книг, что я читал,
Не было глаз, о которых мечтал,—
Был только скачущий сердца стук,
Был только вечный ветер вокруг.

Синее платье слева мелькнуло.
Я обернулся, она взглянула,
Я улыбнулся, она—в ответ:
Мы ведь знакомы тысячу лет.
Под этой липой я с нею встречался,
В этой вот кирхе с нею венчался,
Может быть, даже ее любил,
Может быть, даже счастлив был.
Только не помню,—я все забыл...

В сторону мысли! Быстрее авто!
Это не нужно,

это—не то...

Кусты при дороге пустились в пляс—
Восемьдесят километров в час.
Спутались волосы, щеки в пыли.
Если б сорваться сейчас с земли—
Пулей-ракетой в пространство—пли!

Там ни конца, ни начала нет,
Только фонарики звезд и планет,
Только павлиньи хвосты комет,
Только слепящий пронзительный
свет.

Крайняя скорость, крепче держись!
Понял теперь, что такое жизнь?
Вывод несложен, разгадка проста:
Это—свобода и быстрота,
Да чтобы шины спешили шурша,
Да чтобы ветер шумел в ушах.
Чорт подери, а ведь жизнь хороша!

Мы не читали очень многих книг
И по тропинкам многим не ходили,
Мечтою взяли раут иль пикник
И даже в сказке строго ищем были.

А ведь дорогами любой страны
Гуляет столько солнца, звуков, люда,
И, если поглядеть со стороны,
Вся наша жизнь—

одно сплошное чудо.—

Бродить по свету и смотреть вокруг
И собирать, чего никто не видит,
Запоминать: изгиб красивых рук,
Лень облаков и строчку в Энеиде.

И замечать: как тянешься весной,
Как летом шея дочерна коптится,
Как осенью нежнее ты со мной
И как зимой, нахохлясь, мерзнет птица.

И все другое:—детский рот в грязи,
И как стареют женщины и вещи—
Вот так вдыхать, рассматривать вблизи
Покуда день, покуда краски резче.

А ночью, разбираясь едва
В дневном, веселом, безобразном гаме,
Писать стихи, простые, как трава,
Которую ты топчешь под ногами.

Пусть смешно сейчас искать устои
Иль даже краткий временный причал,
Но всюду есть то важное, простое,
Чего никто еще не замечал.

А коль заметишь ты случайно где-то—
Молчи и никому не говори,
Возьми с собой и из находки этой
Жизнь незаметной сказкой сотвори.

ОГЛАВЛЕНИЕ

	I	стр
Осень (из Рильке)		4
Тряпке—валяться под лавкой		5
Сумерки		6
Перед тем как заснуть		7
Все что в жизни осталось нам		8
День за день цепляется		9
Неразделенная минута		10
Staatenlos		11
Es regnet in Regensburg		13
Я жизнь свою позабываю		14
Зеленая бутылка на столе		15
СТИХИ ОБ ИТАЛИИ		
Италия с четками		17
I		17
II		18
III		19
В Альпах		
I		19
II		20
III		20
Веронские картинки		
I		21
II		21
III		22
Озеро Комо		23
В Бергамо, на Piazza		25

Весной и солнцем дышит грудь.....	27
Я завтра уезжаю, синьорина	28

II

Ночной час (из Брокмайера)	30
Нет, Бог не мог создать	31
Когда полнется ночь	32
Когда вся земля	33
Пусть мечтают	32
Было ль это под Атиллою	36
Там где прекращается живое	39
Рада гондола	41
Устало и грустно	43
Александр Блок	45
В гостях, на земле	47
Днем все бестрепетно	49
Мюнхгаузен	51
Я годы вижу наперед	53
Много див, а мы не знаем	54
Мы много лет и стран пройдем	56
Опережая душную пыль	58
Мы не читали очень многих книг	60
Пускай смешно	62

Цена 5 марок

**Authorized by EUCOM, Civil Affairs Division
Frankfurt a/M, Publisher and Editor Office.**

N | 0595 Тираж 500 экз.